

A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford university press, 2009. xviii + 928 p.

По замыслу составителей (британского морфолога и типолога Э. Спенсера и российского типолога А. Мальчукова), данная книга призвана играть роль своего рода «энциклопедии падежа» – в ней собраны статьи, посвященные категории падежа в различных пониманиях этого термина и с точки зрения различных направлений и традиций в науке о языке. Как справедливо отмечают редакторы, несмотря на неслабевающий научный интерес к этой теме, до сих пор не существовало единого источника, где систематически и последовательно были бы изложены достижения лингвистики в этой области.

Книга содержит 57 статей, разбитых на семь разделов:

- I. Теоретические подходы к изучению падежа;
- II. Морфология падежа;
- III. Синтаксис падежа;
- IV. Падеж в психолингвистических дисциплинах;
- V. Ареальные и диахронические аспекты;
- VI. Отдельные падежи: типологический обзор;
- VII. Очерки падежных систем.

В написании статей приняли участие 62 автора из многих стран мира, большинство из которых является признанными специалистами в своих областях; в сборнике широко представлены и российские лингвисты (среди авторов как теоретических, так и описательных разделов).

Раздел I открывается обзорной статьей Б.Дж. Блейка «История изучения падежа»,

где кратко излагаются основные идеи ранних лингвистических традиций: древнеиндийской, греческой, римской, арабской и школы модистов. Особо отмечается вклад в падежную проблематику школы Панини, сформулировавшей понятие «*караки*», которое фактически очень близко подходит к современному понятию семантической роли имени¹. Из лингвистов XX века Блейк останавливается на теориях Ельмслева и Якобсона. В последнем разделе статьи, озаглавленном «За пределами Европы», рассматривается несколько примеров «экзотических» падежных систем японского, табасаранского, древнегрузинского и некоторых других языков.

Логичным продолжением статьи Блейка является статья М. Батт «Современные подходы к падежу: обзор», где особое внимание уделяется вкладу Ч. Филмора с его теорией «семантических ролей», а также кратко излагаются соответствующие положения таких направлений, как реляционная грамматика, трансформационная грамматика, грамматика лексических функций, теория управления и связывания / минимализм. Трактовке понятия «падеж» и вопросу падежного маркирования в двух последних теориях посвящены также отдельные подробные статьи: «Падеж в лексико-функциональной грамматике» (М. Батт) и «Падеж в теории управления и связывания и в минималистской программе» (Дж.Д. Бобалик и С. Вурмбранд).

Статья Дж. Мейлинг «Падежный ярус: иерархический подход к морфологическому падежу» большей частью посвящена обсуждению принципа, согласно которому именная группа в финском языке в том или ином контексте маркируется номинативом либо аккумулятивом. (Поэтому, возможно, логичнее было бы поместить данную работу в последний раздел сборника, см. ниже.) По Мейлинг, выбор одного из двух указанных вариантов падежного оформления объясняется с помощью гипотезы о том, что номинатив и аккумулятив присваиваются в соответствии с «иерархией грамматических функций», где субъект располагается выше объекта и, как следствие, кодируется номинативом. К минусам статьи (помимо небесспорной трактовки финского падежа на -*н* как обычного аккумулятора: о его генитивных функ-

циях в статье практически не говорится) стоит отнести более чем неудачный пример на «внутренний объект» в номинативе из русского языка: *Мне мечталась ясная мечта* (помимо того, что так по-русски сказать, по всей вероятности, нельзя, не вполне очевидно, что мы имеем здесь дело с объектом в узком смысле этого термина)². Кроме того, автор в основном оперирует понятием не «морфологический», а «синтаксический падеж», что входит в некоторое противоречие с заголовком работы.

Х. де Хооп в статье «Падеж в теории оптимальности» проводит достаточно подробный сравнительный анализ ряда работ в рамках теории оптимальности (главным образом, это – [Legendre et al. 1993; Aissen 1999; 2003]), особое внимание уделяя предлагаемым ограничениям в области маркирования объекта и субъекта.

В работе «Падеж в референциально-ролевой грамматике» Р.Д. Ван Валин на богатом и разнообразном языковом материале поясняет теорию присваивания падежей, разработанную им в рамках указанного подхода.

Статья Дж.М. Андерсона «Падеж в локалистской падежной грамматике» открывается историческим обзором, отчасти перекликающимся с приводимым в статье Блейка. Далее автор излагает основные принципы описания падежной системы в рамках разрабатываемой им «локалистской теории».

С. Лураги также начинает свою статью «Падеж в когнитивной грамматике» с краткого исторического экскурса; далее автор суммирует основные допущения и предположения теории. Отдельный раздел этой статьи посвящен обзору ряда конкретных падежных явлений (индоевропейский генитив, чешский датив, русский инструменталис, древнегреческий аккумулятив, падежная система немецкого языка), которые в рамках когнитивного подхода к языку были рассмотрены разными авторами.

Идея разработки универсального метаязыка для описания смыслов, предложенная Анной Вежицкой в начале 1970-х, до известной степени представляет собой одно из направлений в рамках когнитивной лингвистики (по крайней мере, с точки зрения многих когнитивных лингвистов). В сборник вошла статья А. Вежицкой «Падеж в естественном семантическом метаязыке: новое описание польского датива», демонстрирующая возможности ЕСМ при опи-

¹ Следует, правда, отметить, что Блейк (не оговаривая этого непосредственно в тексте) ориентируется не на взгляды грамматистов эпохи Панини (выделявшего семь карак), а на более позднюю версию, принадлежащую Бхартрихари (VII в.), в системе которого на одну караку меньше, – исключена карака «хсту» (причина).

² Подходящий для этого языковой пример с помощью несложного запроса можно найти в существующих корпусах русского языка, например, в НКРЯ: *Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные...* (Ф.М. Достоевский. «Идиот»).

сании различных польских конструкций с дативом. Во вступительной части автор приводит текущую версию списка семантических примитивов (на английском и польском языках), их основные свойства и правила использования в толковании, что, безусловно, облегчает знакомство со статьей тем, кто не владеет во всех деталях аппаратом ЕСМ.

Завершается первый раздел статьей Х. де Хооп и Й. Звартса «Падсж в формальной семантике» – область, вообще говоря, сравнительно мало исследованная в рамках данного подхода. Авторы предлагают некий набросок того, как формальные средства семантического описания могут быть использованы в решении вопроса о значениях падежей. Языковые примеры взяты в основном из финского языка.

Раздел II сборника, посвященный морфологии падежа, открывается вводной статьей Э. Спенсера «Падсж как морфологическое явление», где особое внимание уделяется таким известным теоретическим проблемам, как синтаксический и морфологический падеж, падежный синкретизм, линейное расположение падежных показателей относительно показателей других грамматических категорий, нулевые падежные показатели, центральные и периферийные падежи и некоторые другие. Особое внимание уделяется так называемому «критерию Бирда» (Beard's criterion), согласно которому «падежный признак в грамматике используется только для объединения различных форм с тождественной функцией» ([Beard 1995]; подробнее см. в особенности [Spencer, Otoguro 2005]).

Дж.П. Блевинс в статье «Падсж и парадигмы склонения» подробно останавливается на вопросе о структуре именной парадигмы и подходах к ее описанию. Автор настаивает, что, только рассматривая парадигму как единое целое, можно дать адекватное описание всем входящим в нее падежным показателям.

Следующая статья – «Падсж синкретизм» (автор М. Бэрман) – целиком, как и следует из ее названия, посвящена проблеме морфологического синкретизма падежных показателей в парадигмах склонения. Автор выделяет четыре различных типа синкретизма: (i) синкретизм центральных падежей, (ii) синкретизм центрального падежа с одним из периферийных, (iii) синкретизм периферийных падежей, (iv) синкретизм, затрагивающий не только категорию падежа, но и, например, числа (как в случае совпадения формы прямого падежа множественного числа с формой обличвуса единственного числа). Изложение богато иллюстрировано примерами. Перечислены также основные диахронические процессы, которые могут привести к падежному синкретиз-

му: например, фонологическая редукция, как это было в случае с индоевропейскими языками, аналогическое выравнивание, расширение сферы употребления одного из периферийных падежей и некоторые другие.

В статье Э. Моравчик «Падсжная дистрибуция» формулируются и подробно рассматриваются четыре гипотезы, призванные описать соотношение падежного показателя и грамматической роли имени; например: «Все имен-ные группы, имеющие грамматические роли, соотносятся с падежными показателями» или «В произвольной структуре каждая грамматическая роль выражается не более чем одним падежным показателем, и каждый падежный показатель выражает не более одной грамматической роли». В статье также затрагивается вопрос о линейном порядке показателей падежа. В этой области рассматриваются две гипотезы (впрочем, достаточно очевидные): «Каждый падежный показатель имеет единственно возможную позицию относительно именной группы, которую он оформляет» и «Каждый падежный показатель либо находится непосредственно рядом с оформляемой им именной группой, либо входит в ее состав». Падежным показателем автор считает как аффиксы, так и послелог / предлог (что следует из второй гипотезы относительно линейного порядка). В единственном русском примере в этой статье (ИГ из *большого города*) автор сделал две ошибки в транслитерации, оставшиеся незамеченными не только им, но и редакторами сборника.

Последняя статья второго раздела «Асимметрия в падежном маркировании: именные и местоименные системы» (автор О. Игтесен) посвящена типологически весьма распространенной асимметрии в структуре парадигм: исторические изменения, происходящие в падежной системе местоимений, зачастую значительно отличаются от эволюции падежной системы имен. Анализируя весьма обширный языковой материал, автор показывает, что особые парадигмы склонения развиваются, как правило, у так называемых SAP (Speech Act Participant) pronouns, т. е. у местоимений I и 2 лица (или «локуторов»), не только занимающих две верхние позиции в иерархии одушевленности Сильверстейна, но и являющихся, по-видимому, наиболее употребительными в дискурсе.

Раздел III «Синтаксис падежа» открывает очерк Б. Примус «Падсж, грамматические отношения и семантические роли», представляющий собой обзор основных проблем, связанных с ролевой семантикой и ее падежным маркированием. Автор сопоставляет целый ряд различных теоретических подходов: основные течения внутри функционального на-

правления (концепции Ч. Филлмора, Р. Ван Валина и др.), грамматику лексических функций Дж. Бреснан, теорию «проторолей», предложенную Д.Р. Даути, а также грамматику «лексической декомпозиции» (lexical decomposition grammar – формально-семантическая теория падежа, развивавшаяся в работах Д. Вундерлиха, а также М. Бирвиша и ряда других лингвистов). В целом данная статья является скорее кратким путеводителем по теориям, чем обзором проблем, связанных с описанием языковых фактов. С нашей точки зрения, несколько лучше задача теоретического описания самой проблемы решается в статье К. Лемана [Lehmann 2006] (кстати, ссылка на эту работу у Примус отсутствует).

Статья «Синтаксические эффекты морфологического падежа» (авторы А. Нелеман и Ф. Верман) являет собой сравнительно редкий пример работы в рамках генеративной теории, где языковой материал выглядит вполне естественно и не ограничивается исключительно английскими примерами (правда, не все примеры в статье сопровождаются переводом на английский язык, особенно исландские). Основное внимание авторы уделяют вопросу о связи двух явлений: свободному / фиксированному порядку слов и наличию / отсутствию поверхностного падежа. Так, согласно авторам, чем более разнообразна и богата падежная система в языке, тем с большей вероятностью можно ожидать наличия в нем свободного порядка слов. Данное утверждение, однако, стоит оценивать лишь как статистическую закономерность, и в самой статье приводится ряд контрпримеров.

Статья А. Северской и Д. Баккера «Падеж и альтернативные стратегии: порядок слов и морфологическое согласование» в каком-то смысле дополняет предыдущую работу: авторы описывают возможные комбинации основных способов кодирования грамматических отношений и приходят к выводу о существовании некоторых неслучайных тенденций в языках. Так, если в языке агенс и пациенс различаются падежным оформлением, порядок слов может быть использован уже для маркирования некоторых других противопоставлений (к примеру, прямое и не прямое дополнение и т. п.). Немаловажная роль в статье отводится различительным (distinguishing) и индексирующим (indexing) функциям каждой из стратегий, о которых более подробно говорится в статье А. Мальчукова и П. де Сварта (см. ниже).

Б. Бикель и Дж. Николс в статье «Падежное маркирование и стратегии оформления главных синтаксических ролей» сосредотачиваются не только на фактической стороне вопроса, но и на методологических проблемах такого исследования. Рассматривая данные самых разных

языков мира (и приводя ряд глаголов, задающих нетипичное для анализируемого языка оформление ролей), авторы предлагают проводить исследования вопроса в двух направлениях. С одной стороны, для каждого отдельного языка следует перечислить все возможные в нем стратегии оформления актантов, и только на основе таких подробных типологических данных делать те или иные заключения. Альтернатива этому подходу состоит в том, чтобы сначала выделить некий список лексем, а затем, опираясь на корпус текстов на каждом конкретном языке, выявить наиболее частотные модели оформления синтаксических ролей для каждой лексемы. (Однако, как кажется, этот второй подход может быть применен далеко не для каждого языка, и исследование опять рискует оказаться неполным.)

Следующая статья сборника – «Падеж и актантная деривация: падеж в производных конструкциях» (М. Сибатани) – посвящена падежному маркированию в конструкциях с повышающей и понижающей деривацией. К первой автором относятся конструкции с внешним посессором и аппликативные конструкции, ко вторым – пассивные и антипассивные конструкции. Статья в основном представляет собой каталог данных о различных стратегиях такого маркирования.

Две последние работы в этом разделе детально освещают вопрос о соотношении падежного маркирования и переходности. Это «Дифференцированное падежное маркирование и варьирование актантной структуры» А. Мальчукова и П. де Сварта и «Падеж и типология переходности» С. Киттиля. В очерке Мальчукова и де Сварта, как уже отмечалось выше, также описаны различительная и индексирующая функции падежного маркирования в их взаимосвязи с дифференцированным маркированием субъекта и объекта.

Раздел IV, посвященный исследованию падежа в рамках психолингвистической проблематики, открывается коллективной работой «Усвоение падежа» (С. Айзенбайс, Б. Нарасимхан и М. Воейкова). Подробно изложены взгляды приверженцев различных подходов (генеративного, функционального, основанного на узусе) на стратегии употребления детьми падежных форм на самых ранних этапах овладения речью, на роль врожденных и приобретенных знаний и др. Авторы обращают внимание исследователей на то, что узкоспециализированные подходы (основанные только на синтаксисе или только на семантике) хоть и дают ряд важных результатов, но, безусловно, не могут адекватно объяснить все разнообразие падежных систем мира и возможных способов их усвоения детьми.

Следующая статья – «Падеж в процессе порождения речи» (А. Мелингер, Т. Пехман и С. Папперт) – также носит скорее обзорный характер. Авторы сравнивают лексически-ориентированные подходы (например, предложенный в работе [Kempen, Nienkamp 1987] и некоторые другие) и синтаксически-ориентированные модели порождения речи (это, к примеру, работы таких авторов, как М.Э. Гарретт, Дж.С. Делл, Ф. Ченг). Как справедливо отмечается в статье, до недавних пор большинство работ опиралось в основном на материал английского языка, в отношении которого вряд ли можно говорить о богатой и разнообразной падежной системе, в результате чего многие важные проблемы просто не были рассмотрены.

В работе М. Бадера и М. Ламерс «Падеж и языковое восприятие» освещены такие вопросы, как разрешение морфологической неоднозначности, связанное с приписыванием составляющим синтаксических функций, разрешение синтаксической неоднозначности в процессе восприятия речи, роль падежа в определении границ составляющих внутри предложения и ряд других не менее актуальных для психолингвистики проблем.

Завершается раздел подробной статьей М. Ламерс в соавторстве с Э. Рёйгендейк «Падеж и афазия». Авторами описаны основные синдромы поражений зоны Брока и зоны Вернике, история исследования больных с подобными нарушениями. Наиболее интересны результаты, полученные в ходе работы над вопросом о порождении правильных падежных форм в различных типах контекстов носителями разных языков (голландский, немецкий, русский, венгерский, иврит).

Раздел V сборника начинается с работы Л. Куликова «Эволюция падежных систем». На богатом материале индоевропейских языков автор демонстрирует возможные пути возникновения новых падежей, т. е. процесс возникновения падежных показателей из наречий, послелогов или (значительно реже) предлогов, а также прибавление уже существующего падежного показателя к какой-либо форме слова и развитие показателей из указательных местоимений или артиклей. Автор также рассматривает процессы, происходящие внутри падежной системы, в частности такие, которые не влекут за собой изменения числа падежей в языке. В заключение приводится классификация языков, отражающая основные тенденции в эволюции падежных систем. Куликов выделяет три группы языков: (i) языки, увеличившие количество падежей (например, уральские); (ii) языки, сократившие падежную систему (германские, романские, греческий и др.); (iii) языки, сохранившие число падежей (славянские, тюркские,

армянский). Однако по крайней мере в случае армянского, как кажется, следовало бы упомянуть о глубокой структурной перестройке падежной системы на пути от древнеармянского состояния к современному, на фоне которого арифметическое тождество числа падежей оказывается достаточно случайным фактом. Языкам второго типа (сократившим или полностью утратившим падежную систему) посвящена также отдельная статья Л. Куликова в соавторстве с И. Барздалъ «Разрушение падежа».

В связи с падежными системами, разумеется, нельзя было не коснуться вопроса о грамматикализации – тему развивает Б. Хайне («Грамматикализация падежей»). Автор, удачно дополняя работу Л. Куликова об эволюции падежных систем, подробно описывает каждый этап на пути возникновения падежных показателей: имя, глагол (> наречие) > предлог / послелог > падежный аффикс > полная редукция.

Статья Б. Бикеля и Дж. Николс «География падежа» представляет результаты очень тщательного и объемного исследования географической дистрибуции различных признаков. Данные по языковым ареалам собраны в весьма полезной сводной таблице, где наглядно демонстрируется варьирование языков мира по 35 параметрам, включающим, например, количество падежей в парадигме, набор центральных падежей, различные стратегии оформления основных синтаксических ролей и ряд других.

Статьей Л. Юхансона «Падеж и изучение языковых контактов» завершается пятый раздел сборника. В ней основное внимание автор уделяет процессам заимствования падежных показателей в условиях языкового контакта (как целых систем, включая и передаваемые значения, и, так сказать, материальную оболочку, так и лишь некоторых отдельных семантических функций), а также переносу глагольных моделей управления из одного языка в другой. Если заимствование отдельных падежных показателей засвидетельствовано в общем не так уж редко, то заимствование целой системы падежных показателей из одного языка в другой – случай крайне экзотический. Тем не менее, явления такого рода были описаны для некоторых разновидностей северных таджикских говоров (заимствовавших показатели главных синтаксических падежей из узбекского), а также для ряда языков Южной Америки.

Раздел VI «Отдельные падежи: типологический обзор» открывается очень ценной статьей М. Хаспельмата (которую смело можно было поместить в начало сборника) о падежной терминологии, где автор детально разбирает системы терминов, принятые при описании

падежных систем и отношений, в различных лингвистических традициях, начиная с древних времен.

В статье «Падежная полисемия» А. Мальчукова и Х. Наррога представлена попытка описания указанной в заголовке проблемы с помощью известного метода «семантических карт». Статья во многом является пересказом работ, применяющих при описании метод построения семантических карт (таких как, скажем, известная статья [Haspelmath 2003]). В заключение авторы предлагают возможный вариант семантической карты для основных ролей.

Работа К. Кёниг «Маркированный номинатив» посвящена обзору материалов языков Восточной Африки, где данная стратегия (маркированный номинатив при немаркированном аккумулятиве) является доминирующей. Показано, что подобное оформление не зависит от базового порядка слов – конструкции с маркированным номинативом встречаются в языках как с начальной, так и с конечной и срединной позицией глагола. Отмечаются случаи влияния языковых контактов – так, автор считает вероятным ареальный характер возникновения маркированного номинатива в языках дасенеч (кушитские) и туркана (восточносуданские), а также в языках сурми (восточносуданская семья) и омотских.

Следующие главы раздела представляют собой обзор отдельных падежей в языках мира. Статья С. Киттия и А. Мальчукова посвящена аккумулятиву; авторы описывают ограничения на использование аккумулятива (связанные главным образом с категорией одушевленности), формальные различия показателей (например, финский показатель аккумулятива *-i* для существительных и *-t* для местоимений), различные функции, которые аккумулятив может выполнять в предложении; детальное освещение получает и полисемия этого падежа.

По такой же схеме описаны и другие падежи: эргатив в статье Э.Л. Паланкара (где автор также касается вопроса о возникновении самого явления эргативности), инструменталис в статье Х. Наррога и комитатив в совместной статье Т. Штольца, К. Штро и А. Урдзе.

Те же аспекты нашли отражение в обширной статье Ю. Ландера о генитиве. Кроме основных функций, оформляемых генитивом, и ограничений на использование этой падежной формы (связанных, как и в случае с аккумулятивом, в основном с одушевленностью), автор подробно останавливается на различных способах маркирования посессивных отношений, а также на непосессивных употреблении форм генитива.

Дативу посвящена статья О. Нэсс. Автор останавливается на проблемах дефиниции, ос-

новных семантических ролях, кодируемых дативом, а также на синкретизме датива и других падежных форм. В заключение приводится краткая диахроническая справка.

Заметно отличается от остальных по структуре статья Д. Кресселя о пространственных падежах. Автор говорит о существовании одномерных, двумерных и трехмерных систем пространственных падежей; во многом дополняя статью Хаспельмата, разграничивает термины, употребляемые в описаниях этих различных систем. Среди существующих в языках способов оформления пространственных отношений Крессель выделяет стратегию маркирования с помощью падежной флексии, послеложные и предложные конструкции, конструкции с наречиями и рассматривает возможные пути совмещения и взаимосвязи этих трех основных подходов в языках. Не остается в стороне и вопрос о семантике – автор подчеркивает особые отношения топонимов и одушевленных существительных к показателям пространственных падежей. Некоторым минусом статьи можно считать практически полное отсутствие языковых примеров (в подавляющем большинстве случаев Крессель ограничивается упоминанием языка, где зафиксировано то или иное явление).

М. Даниэль и Э. Спенсер обращаются к вопросу о вокативе и его месте в падежных системах языков мира. Перечислены типы маркирования вокатива: нулевое, просодическое, при помощи специальных частиц. Авторы предполагают, что вокатив (с точки зрения образования формы) связан не столько с номинативом, сколько с «немаркированной основой» и порой является даже менее маркированной формой, чем сам номинатив (например, в австралийском языке мангарайи).

В последней статье раздела (А. Мальчуков, «Редкие и 'экзотические' падежи») затронуты такие вопросы, как множественное падежное маркирование на примере австралийского языка кайардильд и языка коасати семьи мускоги, падежи с вершинным маркированием, коннективы, «прагматические» падежи (основные функции которых определяются прагматическими факторами, а не синтаксисом или семантикой) и ряд других. В языке кайардильд, кроме уже упомянутого множественного падежного маркирования, также засвидетельствованы так называемые «модальные падежи», показатели которых используются для выражения глагольных категорий времени / аспекта / наклонения при имени.

Заключительный раздел справочника открывается описанием типологии падежных систем, представленных в языках мира. Авторы, уже хорошо знакомые читателю А. Мальчуков

и Э. Спенсер, выделяют четыре основных параметра, по которым падежные системы могут варьироваться. Во-первых, это инвентарь падежей в языке: от языков с максимально редуцированным набором (т. е. с двухпадежной системой) до гипертрофированных падежных систем (как правило, за счет большого количества пространственных падежей). Подробнейший типологический анализ именно этих двух явлений представлен, соответственно, в статье П. Аркадзева о двухпадежных системах и в совместной статье М. Даниэля и Д. Ганенкова о «гипертрофированных» падежных системах нахско-дагестанских языков. Вторым параметром варьирования является соотношение между «синтаксическим падежом» (выражение синтаксической роли именной группы в предложении) и «морфологическим падежом» (формальный способ маркирования именной лексемы). Далее рассмотрены вопросы, касающиеся семантики и прагматики; и, наконец, падеж в связи с такими аспектами, как согласование и порядок слов.

Работа Д. Стили посвящена истории падежа в иранских языках. Как известно, иранские языки в древний период имели богатую падежную систему (что можно считать общим свойством древних индоевропейских языков в целом), но уже ко времени среднего периода своего развития (традиционно его ограничивают примерно III в. до н. э. и VIII–IX вв. н. э.) они обнаруживают заметную тенденцию к сокращению падежного инвентаря, завершившуюся, в некоторых случаях, полной утратой морфологического падежа. На современном этапе во многих языках как восточноиранской, так и западноиранской группы имеются редуцированные двухпадежные системы. Стили выделяет три модели развития, на основе которых можно построить описание происходивших процессов. Падежные системы развивались в одном из направлений: путь сокращения (подразумевающий или сохранение сложившейся в средний период двухпадежной системы с нулевым показателем прямого падежа и обликвусом, развившимся из генитива, или полную утрату падежей), путь инноваций, где возможными стратегиями являются (i) расширение функций существующих падежей; (ii) обновление системы, например, за счет клитик, оформляющих те или иные значения; (iii) использование альтернативных способов, например, порядка слов. Наконец, третий путь – развитие (или сохранение уже сложившейся) падежной системы только для местоимений.

А. Соболев в статье «От синтетического к аналитическому способу выражения падежных значений: изменения в южнославянских диалектах» подробно исследует процесс влияния

балканских языков на южнославянские (в результате которого, собственно, и произошел переход от синтетического способа оформления лексем к аналитическому) на примере, главным образом, инструментальных конструкций.

Следующая статья (К. Кёниг «Падеж в одном из языков Африки: насколько дефектным может быть падеж?») написана на материале языка ик (Уганда; группа кулиак восточно-суданской семьи). Язык крайне интересен не только с той точки зрения, что для африканского континента такое явление, как морфологический падеж (а в ик выделяются семь падежей) – это большая редкость. Падежные показатели присоединяются в ик ко всем частям речи: существительным, глаголам, наречиям, предлогам и союзам. При этом во многих случаях происходит нейтрализация в падежном оформлении центральных аргументов (переходный и непереходный субъект и переходный объект); так, автор приводит примеры, где все три роли оформлены номинативом.

Статья М. Амбербера посвящена одному из семитских языков Африки – автор детально исследует дифференциальное падежное маркирование (как субъекта, так и объекта) в амхарском языке.

Язык с множественным зависимым маркированием, ньямаль (западная Австралия), описан в статье А. Денча. Показано, что на выбор того или иного способа оформления оказывает влияние множество факторов: тип предиката, тип клаузы, класс имени (существительное / местоимение / особо местоимение 3 лица единственного числа) и ряд других.

Данные западных австронезийских языков, где при выборе того или иного падежа учитываются не только (а порой и не столько) синтаксические характеристики, – весьма значимую роль играют семантика и прагматика, находят отражение в статье М. Донохью. Значительная часть работы основана на материале языка ту-кан-беси (центральная Индонезия).

Не менее яркие примеры «прагматического» (по определению А. Мальчукова) падежа представлены в японском языке, который, как известно, является одним из наиболее детально описанных языков с категорией топики. В статье А. Огавы наибольшее внимание уделяется, естественно, сравнительному анализу функций двух «знаменитых» в лингвистической литературе показателей: *-wa* и *-ga*.

Основные механизмы падежного маркирования в юкагирских языках, где оформление фокусного аргумента тесно связано с выбором падежного показателя, описаны в статье Е. Масловой.

Падежными отношениям в языке тлапанек (Мексика, отомангская семья) посвящена

статья С. Вихмана. Особое внимание автор уделяет следующим фактам: (i) падежные показатели присоединяются к глаголу; (ii) эргатив морфологически немаркирован; (iii) падежная система включает не зафиксированный нигде больше падеж, который Вихман называет «пегативом», – он кодирует актора, вовлеченного в ситуацию, где также имеется претерпевающий, оформленный дативом (при этом если претерпевающий оформлен абсолютивом, то актор принимает показатель эргатива).

В последней статье сборника «'Падежные отношения' в лаосском, изолирующем языке», написанной Н. Энфилдом, показано, как значения, во многих языках мира оформляемые падежными формами, могут быть переданы при помощи других стратегий, в частности, строго фиксированного порядка слов. В статье подчеркивается, насколько важен в случае изолирующего языка контекст, восполняющий недостаток эксплицитного грамматического маркирования.

Оценивая книгу в целом, следует, безусловно, отдать должное редакторам, проделавшим очень непростую и трудоемкую работу по созданию действительно всеобъемлющего и актуального справочника. Удачно выдержан баланс как между теоретической и, так сказать, практической, описательной частями, так и между отдельными составляющими этих частей; подробно изложены основные принципы и методики различных лингвистических направлений и теорий, значительное место уделяется также историческому аспекту. Что касается языкового материала, то в рецензии мы уже неоднократно отмечали его разнообразие; в справочнике представлены практически все важнейшие языковые группы и ареалы, релевантные для данной проблематики.

Полагаем, что «Оксфордский справочник по падежу» (несмотря на немногочисленные, главным образом, технические погрешности) отвечает самым взыскательным критериям и может

считаться в какой-то степени образцовым изданием такого рода. Его востребованность и польза как для профессиональных лингвистов, так и – в особенности – для самого широкого круга студентов не вызывают сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aissen 1999 – *J. Aissen*. Markedness and subject choice in optimality theory // *Natural language and linguistic theory*. 1999. 17.
- Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural language and linguistic theory*. 2003. 21.
- Beard 1995 – *R. Beard*. Lexeme morpheme base morphology. New York, 1995.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello (ed.). The new psychology of language*. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Kempen, Hoenkamp 1987 – *G. Kempen, E. Hoenkamp*. 1987. An incremental procedural grammar for sentence formulation // *Cognitive science*. 1987.11.
- Legendre et al. 1993 – *G. Legendre et al.* An optimality-theoretic typology of case and grammatical voice systems // *Proceedings of the 19th Meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1993.
- Lehmann 2006 – *C. Lehmann*. Participant roles, thematic roles and syntactic relations // *M. Shibatani, T. Kageyama (eds.). Voice and grammatical relations: In honor of Masayoshi Shibatani*. New York, 2006.
- Spencer, Otaguro 2005 – *A. Spencer, R. Otaguro*. Limits to case – A critical survey of the notion // *M. Amberber, H. de Hoop (eds.). Competition and variation in natural languages. The case for case*. Oxford, 2005.